Н.Д. Андреев

**ВОСПРИЯТИЕ АФРИКАНСКИХ МИГРАНТОВ
В КИТАЙСКИХ БЛОГАХ НА ФОНЕ
ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА**

N.D. Andreev

**PERCEPTION OF AFRICAN MIGRANTS
IN CHINESE BLOGS AMID THE
CORONAVIRUS PANDEMIC**

Аннотация. Встраивание Китая в глобальный мир привело к тому, что прежде закрытое и гомогенное общество этой страны стало вбирать в себя мигрантов из разных частей света, в том числе из Африки. Отсутствие у Китая исторического опыта взаимодействия на своей территории со значительным количеством представителей иных этнокультурных сообществ, а также приверженность ханьского большинства многовековым и жестко регламентированным поведенческим стереотипам, к которым всегда было довольно сложно адаптироваться пришлым элементам, привели к тому, что растущее число мигрантов становится большой проблемой для граждан КНР. В первую очередь это относится к выходцам из Африки: их представления о допустимых практиках самопрезентации во многом противоположны аналогичным китайским взглядам. Изменения, привнесенные в общественную жизнь Китая пандемией коронавируса, еще больше обострили эту проблему и привели к тому, что недовольство китайцев африканскими мигрантами стало выливаться в их персональных блогах. Оно может принимать форму передачи китайцами жизненных историй африканских мигрантов, которые поведали они сами. Типовой сценарий подобных историй: мигранту так или иначе удалось социализироваться и занять определенную нишу, однако произошло это вопреки тотально негативному отношению со стороны местного населения. Более того, герои этих историй склонны обвинять китайцев в ксенофобии и на основании собственного опыта пребывания в КНР делать иные негативные выводы о национальном характере китайцев. Кроме такого косвенного (путем передачи историй, рассказанных от первого лица) недовольства мигрантами, в блогах можно встретить и открыто артикулированное недовольство граждан КНР переселенцами из Африки. Китайцы опасаются за сохранение собственной идентичности,

---

Андреев Николай Дмитриевич, младший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН

Andreev Nikolai Dmitrievich, Junior Research Fellow, Centre of Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

+7-967-295-76-46; nikolai.andreev1613@yandex.ru

хотя этот страх выглядят явно преувеличенным, если учитывать численное соотношение ханьского большинства и мигрантов. Однако выражаемая в блогах настороженность свидетельствует о наличии в современном китайском обществе очевидной проблемы.

Ключевые слова: Китай, Африка, ханьское большинство, чернокожие мигранты, пандемия коронавируса, ксенофобия, мигрантофобия, национальная идентичность.

Abstract. The integration of China into the global world has led to the absorption of immigrants from different parts of the world, including Africa, into the previously closed and homogeneous Chinese society. China's lack of historical practice when a significant number of representatives of other ethno-cultural communities would interact on its territory, as well as the adherence of the Han majority to centuries-old and strictly regulated behavioral stereotypes, which newcomers always found quite difficult to adapt to, have made the growing number of migrants a big problem for Chinese citizens. This is especially true of immigrants from Africa: their ideas about the acceptable self-representation in relation to others are in many ways the opposite of corresponding Chinese views. The changes brought to public life in China by the coronavirus pandemic have further exacerbated this problem and led to the fact that the Chinese discontent with African migrants began to spill over into their personal blogs. In this case the Chinese may relay the life stories of African migrants, told by themselves. The typical scenario of such stories is that a migrant somehow managed to socialize and occupy a certain niche, but this happened despite the totally negative attitude of the local population. Moreover, the protagonists in these stories tend to accuse the Chinese of xenophobia and draw other negative conclusions about the national character of the Chinese based on their own experience in the PRC. In addition to such indirect (by retelling stories told in the first person) dissatisfaction with migrants, the blogs contain obviously articulated dissatisfaction of Chinese citizens with immigrants from Africa. The Chinese are concerned with the preservation of their own identity, although this fear looks clearly exaggerated given the ratio of the Han majority to migrants. However, the anxiety expressed in blogs indicates that there is an obvious problem in present-day Chinese society.

Keywords: China, Africa, Han majority, migrants, coronavirus pandemic, xenophobia, migrant phobia, national identity.

* * *

Широкий комплекс проблем, связанных с проживанием африканских мигрантов в современном Китае, имеет обширную историографию на английском и китайском языках. Российская историография этой темы представлена исключительно работами Т.Л. Дейч, в частности, написанной в соавторстве статей¹. Между тем один из частных, но весьма показательных аспектов этой большой темы, связанный с восприятием африканских мигрантов в китайской бло-

---

¹ Дейч Т.Л., Усов В.А. Азиатские африканцы: как им живется в Китае и Индии? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 3. С. 33–40.

госфере, хотя и присутствует в некоторых исследованиях, тем не менее, остается недостаточно освещенным.

Наиболее подробно он разбирается в статье Дан Фанли «Исследование освещения вопроса жизни африканцев в Китае в местных китайских СМИ в эпоху глобализации на примере газет Гуанчжоу». Исследовательница из КНР считает, что эти СМИ «представляют стереотипный негативный образ африканских чернокожих как группы». По ее словам, газеты с помощью «игр с цифрами» преувеличивают реальное число таких мигрантов, при этом их подлинные проблемы игнорируются, а вклад в торговые отношения между Китаем и Африкой недооценивается.

Взяться за изучение рассматриваемого вопроса Дан Фанли подвигнул «инцидент 15 июля». В этот день в 2009 г. несколько сотен африканских мигрантов пришли к одному из полицейских участков Гуанчжоу, чтобы выразить свое негодование в связи с трагическим событием: один из их земляков, уклоняясь от паспортной проверки, спрыгнул со здания и погиб.

Это событие привлекло внимание не только СМИ, но и китайских блогеров. По интернет-форумам, объединявшим десятки тысяч участников, стала распространяться информация: «число чернокожих в Гуанчжоу достигло 200 тысяч», а количество совершаемых ими изнасилований стремительно растет. Некоторые из блогеров реагировали на это сообщение весьма эмоционально и выдвигали требование: «Ниггер (黑鬼), убирайся в Африку!» Всплеск подобных настроений привлек к себе внимание зарубежных массмедиа, некоторые из них заговорили об усилении расизма в китайском обществе. Забеспокоились и в африканских государствах, откуда в основном движется поток мигрантов в КНР. В 2012 г. недовольство жителей Гуанчжоу разрастающейся общиной мигрантов из Африки снова дало о себе знать — и реакция западных СМИ опять последовала незамедлительно.

В статье Дан Фанли излагается история вопроса. Исследовательница приводит данные, согласно которым массовый наплыв переселенцев африканского происхождения в Гуанчжоу начался после финансового кризиса 1997 г. в Восточной и Юго-Восточной Азии: именно оттуда в этот китайский город стали съезжаться мигранты. Их приток достиг апогея в 2003–2005 гг. Более 85% всех африканских мигрантов в Китае сосредоточены именно в Гуанчжоу. В основном это мужчины, выходцы из стран Западной Африки. В городе возникло пять районов их компактного проживания, некоторым из которых местные жители (а также, что немаловажно, и СМИ) дали характерные названия: «Шоколадный город», «Чернокожий Иерусалим», «Бруклин в Гуанчжоу».

Следующей важной вехой в истории африканской мигрантской общины в Гуанчжоу стал мировой экономический кризис 2008 г. Китай ужесточил правила выдачи африканцам въездных виз. А многие из тех, кто уже проживал в Китае, особенно на нелегальном положении, оказались вынуждены перебраться в более дешевые районы, где к тому же паспортный контроль был не столь строгим. Всё это, естественно, способствовало криминализации этих новообразованных «фавел». Для городской полиции началась непрекращающаяся игра в «кошки-мышки», в ходе которой и случился «инцидент 15 июля». Общественная дискуссия о том, «каким образом могут пребывать в гармонии китайский “дракон” и африканский “страус”», становится всё более актуальной.

Дан Фанли с помощью контент-анализа проанализировала более 80 публикаций из периодических изданий Гуанчжоу, вышедших в 2008–2010 гг. Эти публикации исследовательница делит на 6 тематических групп: криминальная деятельность африканских мигрантов или их антиобщественное поведение; социальное обеспечение прибывших в Гуанчжоу; вклад африканцев в образование, культуру и спорт Китая; их образ жизни — «соотношение мечты и реальности, счастья и невзгод»; сообщения о «чернокожем герое» — мигранте, который помог шестерым китайским рабочим выбраться из-под мешка с цементом, упавшего с перевернувшегося грузовика; прочие факты. Автор считает, что вся эта информация представляет жизнь африканской общины Гуанчжоу «несбалансированно». 45% всех публикаций в той или иной степени посвящены преступлениям, совершаемым мигрантами, или другим негативным сведениям о них. Другая крайность новостной политики представлена в партийных газетах: пропагандируя «дружбу с Африкой» и идеалы «гармоничного общества», они предпочитают транслировать позитивные сведения. В этом смысле «непартийные газеты публикуют более объективные и подробные отчеты о стиле жизни чернокожих».

Наконец, Дан Фанли затрагивает проблему присутствия темы мигрантов из Африки в блогосфере Синета (китайского сегмента Интернета), что особенно важно для нашей работы и является фактически первой из попыток каким-то образом осмыслить этот вопрос. Исследовательница считает, что появление указанной темы в блогах спровоцировал разноречивость в данных о том, сколько в выходцев из Африки проживает Гуанчжоу. Ссылаясь на полицейскую статистику, Бюро общественной безопасности Гуанчжоу говорит о двух тысячах легальных мигрантах, а Академия социальных наук этого города указывает цифры от 20 до 30 тысяч. СМИ представляют разброс в численности от 20 до 100 тысяч. А «народные оценки» свиде-

тельствуют вообще о 200 тысячах. Подобные «манипуляции с цифрами» посеяли среди китайцев панику, которая отразилась и в Синете. Популярным среди блогеров стал тезис о том, что чернокожие могут стать «57-й этнической группой» страны (в КНР в настоящее время проживают 56 этнических групп), если руководство государства «продолжит бездействовать». Дан Фанли по ключевым словам «57-я этническая группа в Китае» и «чернокожий» нашла в Google более 25 400 ссылок. Среди них, например, такой пост: «Горячие поздравления: в Китае появилась 57-я нация». Этот пост просмотрели около 305 тысяч пользователей, и 280 из них прокомментировали его в радикалистском ключе.

Дан Фанли констатирует, что в подаче китайскими СМИ темы африканских мигрантов имеется «серьезный дисбаланс». Налицо «серьезная тенденция к стереотипизации чернокожих», использование в основном официальных источников информации и отсутствие в медийном пространстве мнения самих выходцев из Африки. Необходимо качественно улучшить условия пребывания мигрантов в Китае, а не практиковать «ежедневные полицейские проверки», совершенствовать информационную политику, чтобы «не доставлять неприятностей законно проживающим афроамериканцам», использовать неправительственные организации для укрепления взаимопонимания между африканскими мигрантами и местными жителями. В настоящее время для граждан КНР «черные — это просто черные», и «никого не волнует разница между нигерийцем и конголезцем, разница между черным мусульманином и черным католиком». Между тем африканские мигранты возмущены тем, что в отличие от них «ни один китаец не воспринимается как потенциальный преступник».

По мнению автора, важная роль в реализации перечисленных начинаний должна отводиться СМИ. Требуется усилить контроль со стороны государства над самими медийными структурами, обеспечивая при этом «в разумных пределах» предоставление голоса африканским мигрантам, «научить работников медиа глобальному видению и межкультурной коммуникации», «добиться сбалансированного освещения» повседневной жизни местных жителей и «гостей». Важно, чтобы журналисты не ограничивались официальной информацией, а активнее брали интервью у самих мигрантов и распространяли рассказанные ими истории. По этому поводу Дан Фанли приводит высказывание одного выходца из Африки: «Я всегда надеялся искреннее пообщаться с местными СМИ, но у меня никогда не было такой возможности. Теперь же, когда в черном сообществе возникли некоторые проблемы, вы явились». Обида собеседника исследовательницы усугублялась еще и тем, что, по его словам, годом

ранее община африканских мигрантов собрала для пострадавшего от землетрясения района КНР 70 тысяч юаней, но СМИ и не обмолвились об этом пожертвовании. Наконец, автор статьи призывает активнее задействовать возможности Интернета, в котором гораздо легче получить право голоса «чужим», а также «другим уязвимым группам»².

Другая китайская исследовательница, Шаньшань Лань, отмечает, что стереотипы восприятия африканцев китайцами формируются элитой КНР, и их истоки следует искать во времени интенсивного «вхождения» Китая в африканские страны на рубеже XX и XXI вв. Именно тогда стал складываться феномен «киберрасизма», то есть негативных оценок африканцев, высказываемых в Интернете. Их распространителями стали граждане КНР, имевшие тот или иной опыт работы в странах Африки. В их блогах африканцы представлялись «расово уступающими» командированным к ним китайцам, а также недостойными помощи от КНР по причине присущей им, со слов этих блогеров, жадности вкупе с попытками дискриминировать таких командированных. Автор фиксирует «парадокс китайского восприятия возвращения Китая в Африку»: китайцы оценивают африканцев как младших и второстепенных партнеров, но, вместе с тем, оказание помощи Африке рассматривается в КНР как средство повышения позитивного имиджа страны. Исследовательница считает, что не вполне учитывается воздействие «расовой идеологии», сложившейся на Западе, на распространенное в китайской элите и транслируемое ею в Сети представление об «африканской неполноценности».

Появление же африканских мигрантов в КНР — это «относительно новое явление»; коммуникации между ними и гражданами страны преимущественно ограничиваются «различными сферами торговли», причем в городском пространстве, а источники информации китайцев об африканцах, как правило, вторичны — из фильмов, СМИ и Интернета. Именно местные СМИ играют главную роль в формировании определенного негативного стереотипа в отношении африканцев как непосредственно виновных в росте нелегальной иммиграции, торгующих наркотиками, совершающих сексуальные преступления и распространяющих СПИД. Нагнетанию образа «черной угрозы» способствует явное завышение численности африканских мигрантов (названные одной из газет Гуанчжоу 200 тысяч затем неоднократно приводились в других СМИ), а также «демонизация черной маскулинности в Интернете». Информация той же газеты о численности африканских мигрантов в Гуанчжоу разошлась по не-

---

² 党芳莉. 全球化时代中国地方媒体 对在华非洲人的媒体报道研究以广州报刊为例 // 西安文理学院学报 (社会科学版). Vol. 19. N 1. February 2016. P. 78–83.

скольким сайтам, но заголовок ее при этом стал более броским (он уже упоминался при рассмотрении статьи Дан Фанли): «В Гуанчжоу 200 тысяч чернокожих, и число случаев изнасилования, совершаемых черными, быстро растет». Исследовательница констатирует рост числа «расистских комментариев» в Синете типа упомянутых выше «57-й этнической группы», «вторжения черных», «угрозы СПИДа». Складыванию образа расистски окрашенной идентичности мигрантов в Гуанчжоу способствовали комментарии о «криминализации африканцев как торговцев наркотиками в популярных СМИ», в то время как на самом деле этим бизнесом занимаются выходцы из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, а также представители китайской диаспоры³.

В этой статье отчасти использованы материалы, которые Шаньшань Лань опубликовала в работе, вышедшей тремя годами ранее. Однако в том, предыдущем, исследовании несколько иначе расставлены акценты: такие проблемы, как «китайская помощь Африке», «африканская угроза в Гуанчжоу» и «стигматизация черной сексуальности», называются автором «основными темами» интернет-дебатов в Синете, которые подпитывают «негативные представления» об африканцах. Отдельное внимание исследовательница уделяет «стигматизация черной сексуальности», которая становится популярным поводом для обсуждений в Синете по причине «увеличения числа романов и браков между китайскими женщинами и черными мужчинами». Шаньшань Лань рассказывает про бурную реакцию китайской блогосферы на участие чернокожей китайки Лу Цзин в 2009 г. в шанхайском шоу талантов “Go Oriental Angel”. У Лу Цзин мать китайка, а отец — афроамериканец. Китайские блогеры не скупилась на оскорбительные отзывы, называя Лу Цзин «нежелательным ублюдком» и «маленьким черным дьяволом». Еще более грубо в Синете отзывались о матери Лу Цзин, изменившей своему китайскому мужу (с которым она позже развелась) с афроамериканцем. Автор отмечает, что китайки, у которых были «незаконные отношения с белыми иностранцами», не подвергались столь уничижительной критике. То есть «восприятие чернокожих мужчин как гиперсексуальных монстров, охотящихся за китайскими женщинами, воспроизводит социальные дарвинистские конструкции африканцев как примитивных и отсталых»⁴.

---

³ *Shanshan Lan*. Reconstructing Blackness in Grassroots Interactions Between Chinese and Africans in Guangzhou // *Anthropological Quarterly*. Vol. 92. N 2. Spring 2019. P. 489–490.

⁴ *Shanshan Lan*. The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou // *City & Society*. Vol. 28. Is. 3. December 2016. P. 305–307.

В еще одной работе, посвященной самозанятым африканским мигрантам и местным китайцам в Гуанчжоу, делается вывод, что на примере этого города не подтверждаются распространенные в СМИ и соцсетях «стереотипные изображения» африканских мигрантов как «нецивилизованных и ленивых», а китайцев — как расистских настроенных по отношению к ним и приверженных клановости⁵.

Таким образом, из приведенных исследований складывается примерно понятная картина: в блогах Синета преобладает тенденциозное изображение африканских мигрантов. Вместе с тем исследователи не предпринимают содержательного разбора самих постов, ограничиваясь лишь общими оценками и цитированием наиболее ярких высказываний. Между тем реальная картина того, что говорится об африканцах в китайской блогосфере, намного богаче и разнообразнее, чем та, которая реконструируется по упомянутым исследованиям китайских авторов. Например, крайне интересен такой жанр постов Синета, как описание конкретного опыта пребывания африканцев в Китае.

Весьма показательный в контексте настоящей работы материал размещен в сегменте китайской социальной сети «Вэйсинь», где публикуются различные жизненные истории. В нем рассказывается о перипетиях жизни в Китае Акена — студента из Замбии, занятого в индустрии ночных клубов. И начинается с того, как в 2007 г. бар, где работал рассказчик-китаец, окружила толпа его разгневанных соотечественников. Они требовали выдать им на расправу Акена из-за того, что тот двусмысленно вел себя по отношению к жене одного богатого китайца, который и собрал эту толпу. Рассказчик сильно отругал Акена, вручил оскорбленному мужу купон на 20 тысяч юаней — подарок от бара, после чего толпа разошлась. Далее повествуется о самом Акене и о том, как рассказчик — на тот момент главный менеджер одного из больших баров города Наньнин — помог ему встроиться в эту индустрию. Настоящее имя Акена — Кенрокен Каканду. Рассказчика он привлек тембром своего голоса и характерной внешностью: «его волосы отливали темно-красным цветом, похожим на соевый соус». Вначале за свои ночные выступления в качестве певца и актера Акен получал 200 юаней, и его это вполне устраивало. Его отец, бизнесмен, занимающийся продажей мобильных телефонов, произведенных в Китае, специально направил его учиться в КНР, чтобы в дальнейшем тот смог руководить семейным бизнесом. Когда Акен впервые приехал в Китай, ему было чуть более 20 лет, и он не

---

⁵ *Min Zhou, Tao Xu, Shabnam Shenasi. Entrepreneurship and Interracial Dynamics: a Case Study of Self-Employed Africans and Chinese in Guangzhou, China // Ethnic and Racial Studies. 2016. Vol. 39. N 9. P. 1582.*

владел китайским языком, но благодаря своим способностям спустя семестр уже бегло говорил по-китайски. Ему не нравилось, что семья решила за него его судьбу, поэтому он отказался от ее финансовой поддержки и стал самостоятельно зарабатывать: «работал моделью, официантом, учителем иностранного языка».

Начав выступать в ночном клубе, он стал получать намного больше, чем прежде, благодаря тому, что пользовался популярностью, в основном у женской аудитории. После инцидента, описанного в начале рассказа, Акен резко переменял образ жизни: «дал обет пред Девой Марией», что больше ничего подобного не повторится. Через два года (в 2009 г.) рассказчик и Акен работали уже в городе Жуянъ (агломерация Вэньчжоу провинции Чжэцзян). На тот момент африканец получал уже 500 юаней за ночь. Для улучшения имиджа клуба он предложил запретить актерам общаться и выпивать вместе с клиентами, что повсеместно принято в подобного рода заведениях в Китае. Начальство сначала противилось этой идее, но когда Акен пригрозил уходом, вынуждено было согласиться. Спустя небольшое время бар добился блестящего успеха. Его стали посещать состоятельные жители близлежащих городов. У Акена появилась девушка-китаянка, но в то же самое время рассказчик впервые обратил внимание на его пристрастие к алкоголю. В какой-то момент успех обернулся крахом — полиция задержала в баре несколько десятков людей с кокаином, и бару было предписано приостановить деятельность на шесть месяцев по подозрению в обороте наркотиков, что «равносильно смертному приговору для индустрии ночных клубов». После этого Акену пришлось вернуться в обычный сетевой бар. Со временем он «полностью превратился в темнокожего китайца».

Акен съездил в Замбию на похороны матери, откуда вернулся подавленным: фирма его семьи едва не обанкротилась, братья и сестры собрались получать британское гражданство, но сам Акен принципиально не хотел отказываться от замбийского паспорта. По возвращении в Китай он продолжил петь в ночных клубах, а кроме этого занимался переводами, участвовал в различных телешоу. Личная жизнь Акена не сложилась: отец его девушки-китайки сказал, что в Китае «много бедных людей, которые лучше будут голодать, но не отдадут своих дочерей африканцам». Родители девушки посчитали, что из-за ее брака с чернокожим «над ними станут смеяться родственники и друзья». У Акена усиливалась тяга к алкоголю, он выпивал перед выступлениями, плакал в гримерной и игнорировал гостей клуба. Его задевали снятые китайцами в Замбии ролики из «ТикТок», в которых его родная страна показывается как совершенно не развитая. «Почему бы не снимать хорошие места в Замбии,

зачем специально снимать самые отсталые регионы? Это ли не презрение?» — задавался Акен вопросами.

На фоне стресса и частых выпивок у него начались проблемы со здоровьем. Однажды, напившись, Акен бродил по городу, разбил витрину в магазине, и его доставили в полицейский участок. Примечательны слова, сказанные начальником участка работодателю Акена, которым по-прежнему оставался повествователь и которого вызвали забрать его буйного подопечного: «Не дай бог с ним что-то случится, слышишь? Он же иностранец, мы хлопот не оберемся», — и полицейский попросил присмотреть за Акенom. Той ночью Акен чуть не умер от алкогольного отравления, и работодатель-рассказчик отвез его в больницу. Как выяснилось позже, именно пьянство стало одной из причин неприятия Акена семьей его девушки. В итоге автор рассказа после десяти лет общения с Акенom уговорил его поехать в Швецию лечиться от алкоголизма. Замбиец был настроен фаталистически: «Я собираюсь в Швецию, где меня ждет Господь. Либо я брошу пить, либо пусть Господь заберет меня», — говорил он, положив правую руку на карманную Библию. Что сейчас с Акенom, автору неизвестно⁶.

Этот рассказ, написанный в традициях современной китайской прозы и размещенный в авторском блоге, исключительно информативен. Как мы видим, несмотря на негативное отношение к африканцам, сплошь и рядом выражаемое в китайской блогосфере, чернокожий мигрант вполне может неплохо зарабатывать в КНР. Более того, характерна оговорка правоохранителя: он не хочет проблем с мигрантом, которые, судя по всему, приносят полиции гораздо больше хлопот, нежели сложности с согражданами. Вместе с тем ассимиляция по-прежнему крайне затруднена, и свидетельство тому — сорвавшаяся свадьба Акена.

Совершенно другая, гораздо более пессимистическая, картина вырисовывается в материале «Чернокожий жалуется: я больше никогда не поеду в Китай», который датирован 7 марта 2020 г. Его автор — китайка из Шанхая, блогер, работает в ИТ-сфере, изучала журналистику. Она публикует переводной текст от лица Коллина Спирса — афроамериканца, жившего и работавшего в Китае (оригинал на английском найти не удалось). От себя она лишь добавляет, что в тексте содержится много клеветы на Китай и китайцев.

Коллин Спирс, магистр ИТ, пробыл в Китае два с половиной года, проучился один семестр в Шанхайской академии международных исследований. Вообще в ИТ-сфере он работает более десяти лет,

---

⁶ <https://mp.weixin.qq.com/s/IgXF2wPQINGMtm4YZ-WtvG> (дата обращения: 11.12.2020).

может заниматься разными видами деятельности — от программирования до бизнес-анализа и управления проектами. Он неплохо, по его собственному признанию, говорит по-китайски, даже на «мандаринском диалекте». В КНР Спирса считали не афроамериканцем, а африканским мигрантом, поэтому, с его слов, он сполна испытал на себе отношение местного населения к этому сообществу. Однако он оговаривается, что имеет в виду суждения не вообще всех китайцев, а лишь «средние оценки», с которыми ему приходилось сталкиваться. По его словам, «в Китае не ко всем черным относятся одинаково»: с приезжими гражданами из стран Запада и особенно США ведут себя иначе. В конце концов, заключает Спирс, «всё сводится к деньгам и статусу — это единственное, что важно для большинства китайцев». А поскольку во всех странах «китайского мира» налицо «проблемы с деньгами и статусом», отношение к африканцам — «скорее вопрос степени негатива, а не благожелательности», причем этот негатив ощущается сильнее всего в КНР и Сингапуре. Если, по мнению китайца, африканец беден и не занимает сколько-либо значительного положения, то к нему будут относиться соответственно. Китайцы считают африканцев априори более бедными и необразованными, нежели они сами. Исключение составляют афроамериканцы: китайцы могут поставить их в своей иерархии выше себя. Вместе с тем Спирс считает, что большинство жителей КНР «плохо образованы». Из-за своей приверженности конфуцианству они привыкли оценивать всех сообразно занимаемому положению, а глубокие традиции приучили их настороженно воспринимать людей с другим цветом кожи. Единственное, что способно изменить такую систему оценочных координат, — это деньги. Поэтому, говорит Спирс, «когда китайцы узнали, что я был менеджером проекта, они быстро изменили свое отношение ко мне».

Условия труда в КНР Спирс оценивает как неблагоприятные. Даже друг другу китайцы норовят причинить неприятности. Если у иностранца дела складываются успешно, то ему непременно станут завидовать и загружать дополнительной работой. О продвижении по службе и говорить не приходится. Руководящее звено требует проявления к себе нарочитой лояльности и низкопоклонства, а к подчиненным демонстрирует патернализм. Кроме китайцев, хорошую или управленческую работу могут получить только белые, а небелые иностранцы (если нанимаются на месте, а не командированы головным офисом) не могут рассчитывать на что-то серьезное. Доминирующее представление китайцев об африканцах сводится к тому, что у чернокожих хорошо выходит заниматься спортом, но не работой — этому мешают их «недостаток ума», а также «дикое поведение».

В другой синоязычной стране, Сингапуре, ситуация лучше: там «обеспечивают лучший уровень жизни для небелых иммигрантов», и Спирс в этой стране «не испытывал настоящего расизма по отношению к черным людям». При этом он конкретизирует свое мнение: «Я не говорю, что расизма в Сингапуре не существует, но люди, по крайней мере, обладают достаточными тактом и образованностью, чтобы скрывать свой расизм». Но и в Сингапуре Спирсу не повезло при устройстве на работу: присутствовавшая при этом в офисе китаянка «была единственным человеком, который не улыбался и смотрел недружелюбно». Она агрессивно восприняла Спирса и стала высказывать сомнения в его «базовых знаниях».

Героя этой истории «по расовым причинам» не приняли на работу и в китайскую компанию. Увидев Спирса, китайский босс был удивлен и задал предельно откровенный вопрос: «Тебе нравится играть в баскетбол?» — который нанимавшийся расценил как расистский. При этом босс даже не упомянул его резюме. В Китае нет какой-то единой поведенческой модели восприятия африканца. Так, в Шанхае он будет просто проигнорирован большинством — как, впрочем, и белый. Совсем иначе в глубинке: «люди будут пялиться на вас и обсуждать публично», «фотографировать вас, не спрашивая», «некоторые дети даже попытаются прикоснуться к вам, чтобы увидеть, не изменится ли цвет вашей кожи». «Большинство людей никогда раньше не видели чернокожего человека, и многие люди забудут, что вы человек <...> Китайцы склонны быть расистами или, по крайней мере, предвзятыми», — подытоживает Спирс.

Герой испытывает скепсис по поводу отношений с китаянками: «культурные различия слишком велики», поэтому не стоит рисковать и заводить контакты с их семьями или друзьями. К тому же китаянки предельно консервативны — готовы встречаться только с прицелом на замужество. «Они могут даже взять у вас “интервью”, чтобы узнать, сколько денег вы зарабатываете, сколько денег у ваших родителей, есть ли у вас где-то недвижимость и т.д. Они обращаются с китайскими мужчинами точно так же, но там требования могут быть еще строже»⁷.

С наступлением пандемии коронавируса тема африканских мигрантов в Синете становится более выпуклой и острой. Возможно, это связано с общим повышением градуса настроений в общевойсковой блогосфере из-за ограничений и локдаунов. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения, в рамках же настоящей статьи представляется целесообразным разобрать некоторые из характерных постов.

---

⁷ <https://zhuanlan.zhihu.com/p/111517227> (дата обращения: 29.01.2021).

Так, 23 декабря 2020 г. в одном из блогов сети «Вэйсинь» появился пост, озаглавленный «Почему увеличивается второе поколение черных [мигрантов]?». Его автор начинает со ставшего уже своеобразным клише утверждения о засилье африканцев в КНР. Их становится «всё больше и больше». Если десять с лишним лет назад такой проблемы просто не существовало, то в настоящее время она стала «жареной темой, ежегодно порождающей много животрепещущих новостей». Теперь африканцев встретишь не только в южных городах, но и, например, в провинции Чжэцзян, где мигранты «женились на местных женщинах». Число мигрантов устойчиво растет — уже появилось второе их поколение. Это «приведет к ситуации, переломить которую будет очень сложно». «Приехав сюда, многие чернокожие понимают, что Китай — это просто райское место, и, разумеется, они предпочитают оставаться здесь, а не возвращаться в бедную, грязную, варварскую и отсталую Африку». Когда срок их виз истекает, они не возвращаются обратно, а «сбиваются в группы, формируя мощную силу», такие мигранты «очень сплоченные, и им трудно противостоять».

Блогера крайне настораживает то, что на официальном уровне в Китае воспринимается исключительно как положительный факт присутствие в стране множества студентов из африканских стран, которые рассматриваются как сила, способная в будущем обеспечивать в своих государствах влияние КНР. Автор отмечает, что эти студенты «пользуются режимом благоприятствования», получают ежегодно стипендию в размере 100 тысяч юаней, но в массе своей возвращаться домой не собираются, так как там у них нет никаких перспектив. Они стремятся жениться на китаянках и тем самым получить легальную возможность остаться в КНР.

Еще одна проблема, о которой пишет блогер, — это «брошенные чернокожие младенцы». Он называет африканцев «самой безответственной расой», приводит в пример США, где, по его словам, «в более чем 70 процентах черных семей дети не имеют отцов». Автор заявляет, что «многие чернокожие мужчины только охотятся за женщинами и не заботятся о рождении и воспитании детей», в то время как гражданки КНР, «родившие от чернокожих, которые их бросили, молчат и продолжают воспитывать своих детей». Хотя в последнее время набирает силу и противоположная тенденция: «Всё больше женщин, родив ребенка смешанной расы, предпочитают отказаться от него, так как знают, что, если они оставят этого ребенка, их ждут бесконечные [моральные] пытки и боль». Но независимо от того, усыновят ли такого малыша или отдадут на государственное попечение, он в любом случае останется в Китае.

Блогер резко критикует пропагандируемую на официальном уровне в КНР идею, что для китайки «выйти замуж за африканца и уехать в Африку — счастливая мысль». Эта пропагандистская кампания началась на рубеже прошлого и нынешнего веков с сериала «Замуж в Африку». Затем она получила развитие в других фильмах, развлекательных шоу и романах. В них продвигается мысль, что «чернокожие очень ответственные и искренние». Но подобная установка не имеет ничего общего с действительностью: «Среди черных таких людей очень мало. Даже если они и есть, это уникальные случаи, и среди десяти тысяч чернокожих вряд ли попадется один такой». Пропаганда умалчивает о том, скольких китайских девушек африканцы попросту обманули. А те, кто вышли замуж за мигрантов и уехали в Африку, оказывались буквально в аду: «Им не только приходилось очень тяжело работать, у них не было никакой личной свободы, и они становились всего лишь орудиями чужой прихоти». Те китайки, которые возвращаются обратно, привозят с собой детей от африканцев — так, в том числе, «появляется второе поколение чернокожих».

Имеет место и противоположный процесс, когда африканки вступают в браки с китайцами. Это происходит из-за того, что в КНР «мужчин соответствующего возраста на десятки миллионов больше, чем женщин». Вместе с тем в «традиционной культуре» Китая значение семьи очень велико, поэтому, чтобы не оставаться холостыми, многие мужчины женятся на представительницах Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и даже Африки. Пока что брачные союзы китайцев с «чернокожими женщинами» не слишком многочисленны, но эта тенденция будет набирать силу, что приведет к росту популяции детей «китайско-африканской смешанной расы».

Блогер приходит к неутешительному выводу: «Въезд в Китай большого количества чернокожих и рост числа метисов полностью изменит этнический состав нашей страны. Когда доля чернокожих среди населения достигнет определенного уровня, это неизбежно приведет к этническому расколу Китая, и в нашей стране больше никогда не будет мира»⁸.

Автор еще одного поста, датированного 30 декабря 2020 г., живет в Австралии и занимается посредничеством и помощью китайским студентам за рубежом. Он описывает свой опыт проживания в Гуанчжоу, где много африканских мигрантов. По ночам их группки

---

⁸ https://mp.weixin.qq.com/s/aDSBPOrfXE_GapIU1VvKig?v_p=87&WBAPINalysisOriUICodes=10000010_10000327_10000003_10000003&launchid=10000365-x&wm=3333_2001&aid=01A_JcVTPaFyTlwTeoALacOOJAx5Yx2YhaTRLJ8_6YhUhq0h0.&from=10B1093010 (дата обращения: 14.01.2021).

выглядят «довольно пугающе», и «люди обходят их стороной, хотя те ничего не делают». Блогер считает, что в настоящий момент «чернокожие не слишком влияют на жизнь» этого города, но это только благодаря тому, что в пропорциональном соотношении африканцев пока еще действительно немного. Однако будущее китайской этнокультурной идентичности рисуется ему весьма печальным (имеет смысл привести целиком это богатое в художественном отношении описание): «Чем больше их будет, тем чаще они станут вступать в конфликты с местными. Возникнут негритянские гетто, маленькие африки, в которые китайцы не смогут заходить. Это будет первым шагом. Затем чернокожие из тех, что попримичнее, чтобы получить китайское гражданство или вид на постоянное жительство, найдут себе китайских проституток (艺妓 — гейша или гетера. — Н.А.) или будут вступать в фиктивный брак за небольшую плату. Затем в Гуанчжоу появится особая шоколадная раса, и каждый начнет по телевизору плакать по поводу своего промежуточного положения между расами, затем какие-нибудь крупные режиссеры снимут об этом социальном явлении какой-нибудь классический глубокий художественный фильм под названием, допустим, “Черная книга” (по аналогии с “белыми книгами”, которые руководство КНР издает по разным вопросам. — Н.А.), “Ультрамолния”, или “Китайская дорога славы”, или что-нибудь в подобном духе — глубокомысленное. Потом придут зоошиза (爱狗人士), феминистки (女拳师) и другие сообщества и начнут свою деятельность в духе всемирного гуманизма. Мало-помалу ругать чернокожих станет табу, все те, кто говорит, что они несут вред, будут заклеены как расисты и чернокожефобы (黑人恐惧症), если кто-то напишет нечто подобное в “Вэйбо”, “Чжидуне” или других социальных сетях — его сразу же забанят, так что радуйтесь сегодняшнему дню. <...> В конце концов, китайцы в Китае станут малым народом. Китай будет переименован в Республику Китайго (по созвучию с Конго. — Н.А.)»⁹.

Не менее яркий и эмоциональный пост появился в «Вэйсине» 20 января 2021 г. Обращает на себя внимание уже одно его заглавие: «Пусть плохие чернокожие уезжают из Китая». Его автор гневно реагирует на только что прочитанный в другой социальной сети, «Вэйбо», пост о том, как в поезде какой-то «чернокожий студент» буквально «согнал с места» китайца, который был явно старше него. Китаец покорно опустился на пол, а его обидчик «сразу занял целый ряд сидений, накрылся одеялами и слушал музыку, выглядя очень довольным». Блогер возмущен даже не столько наглостью африканца, сколько трусостью китайца, который «сразу лег на землю и

⁹ <https://zhuanlan.zhihu.com/p/340772459> (дата обращения: 09.01.2021).

признал свое поражение». Более того, из пассажиров поезда никто «не проявил храбрости» и не вступился за соотечественника. Словом — «целый вагон трусов, чудовищных трусов». Блогер приводит и другие примеры развязного и вызывающего поведения африканцев в общественном транспорте КНР, а также безропотной реакции на такие инциденты со стороны граждан, заключая при этом: «Китаец на китайской земле за китайские деньги купил билет, а потом его сгоняет с места этот биомусор (杂碎)».

По мере изложения материала риторика блогера становится всё более резкой: «Китай слишком снисходительно относится к подонкам-иностранцам (洋垃圾). Все эти бесчинства происходят потому, что те, кто их творит, чувствуют за собой поддержку. Почему эти невоспитанные чернокожие ходят, как крабы (китайский фразеологизм, означающий “некультурные люди”. — Н.А.) по китайской земле?» В настоящее время такая вседозволенность для африканских мигрантов становится еще более заметной из-за их демонстративного пренебрежения к противокоронавирусным ограничениям. Автор приводит примеры того, как африканцы демонстративно ходят без масок, и их никто не останавливает, в то время как нарушители-китайцы «караются резиновой дубинкой, перцовым баллончиком и штрафами».

Автор подчеркивает, что китайцам несвойственна дискриминация иностранцев по расовому признаку и они «уважают всех цивилизованных чернокожих». «Мы позволяем иностранцам приезжать в Китай, — отмечает он, — потому что мы — страна этикета, мы гостеприимны и хотим питаться от всех рек. Но всегда найдутся идиоты, которые примут наше гостеприимство за слабость. <...> Этим людям неизвестно, что такое цивилизация, они варвары». В отношении таких «варваров» не работают «слепая терпимость и доброта», здесь эффективен «только железный кулак». «Китай не приветствует варваров, не уважающих Китай и не соблюдающих китайские законы». Поэтому: «Невоспитанные чернокожие, убирайтесь вон из Китая!»¹⁰.

Таким образом, налицо нарастание очевидной проблемы, волнующей современное китайское общество. Следует еще раз подчеркнуть, что усиление раздражения африканскими мигрантами в блогосфере Синета может быть вызвано во многом не столько самой проблемой как таковой, сколько общим негативным состоянием общества, спровоцированным ограничениями из-за коронавируса, очень жесткими в Китае. Вместе с тем очевидно и то, что накал интернет-риторики по поводу этой проблемы вряд ли сойдет на нет

---

¹⁰ https://mp.weixin.qq.com/s/jIX4ZQoBvdR0V5eaAmT_hQ (дата обращения: 21.01.2021).

после завершения пандемии. Поэтому обозначенная в настоящей статье тема нуждается в дальнейшем всестороннем изучении. При ее анализе недостаточно ограничиваться общими политкорректными формулировками и обтекаемыми выводами. Следует систематизировать появляющиеся в блогосфере оценки и суждения с целью представления реальной картины этнокультурной ситуации в многонациональном Китае.

References

党芳莉 [Dǎng Fānglǐ]. 全球化时代中国地方媒体 对在华非洲人的媒体报道研究以广州报刊为例 [Quánqiú huà shídài zhōngguó dìfāng méiti duì zài huá fēizhōu rén de méiti bàodào yánjiū yǐ guǎngzhōu bàokān wéi lì] [A Study of the Coverage of the Life of Africans in China in the Local Chinese Media in the Era of Globalization Based on Guangzhou Newspapers] // 西安文理学院学报 (社会科学版) [Xi'an wénlǐ xuéyuàn xuébào (shèhuì kēxué bǎn)] [Journal of Xi'an University (Social Sciences Edition)]. Vol. 19. N 1. February 2016. P. 78–83.

Deych T.L., Usov V.A. Aziatskiye afrikantsy: kak im zhivetsya v Kitaye i Indii? [Asian Africans: How Do They Live in China and India?] // Aziya i Afrika segodnya. 2016. № 3. P. 33–40.

Min Zhou, Tao Xu, Shabnam Shenasi. *Entrepreneurship and Interracial Dynamics: a Case Study of Self-Employed Africans and Chinese in Guangzhou, China* // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39. N 9. P. 1566–1586.

Shanshan Lan. *Reconstructing Blackness in Grassroots Interactions Between Chinese and Africans in Guangzhou* // *Anthropological Quarterly*. Vol. 92. N 2. Spring 2019. P. 481–508.

Shanshan Lan. *The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou* // *City & Society*. Vol. 28. Is. 3. December 2016. P. 298–318.

Поступила в редакцию
18 апреля 2021 г.